

Евгения
Практиков

Елена
Чалова

Найти друг
друга

Елена Чалова

Найти друг друга

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=593965

Чалова Е. Найти друг друга: ЗАО Центрполиграф; Москва; 2009

ISBN 978-5-9524-4547-5

Аннотация

Лана беззаветно любила мужа, Вадима Мещерского, но он предал ее. Второй раз поверить мужчине она не готова, поэтому за два года молодая женщина так и не решилась на брак с любящим ее Марком. Внезапно Вадим опять появляется в ее жизни и предъявляет права на свою дочь Настю. Но не дочь его главная цель, а огромное наследство дяди Василия, живущего на Сицилии. Марк сразу почувствовал, что двум драгоценным для него женщинам грозит опасность, и решил действовать...

Содержание

Елена Чалова

4

Конец ознакомительного фрагмента.

65

Елена Чалова

Найти друг друга

*Описываемые в романе события и персонажи
вымышлены. Все возможные совпадения случайны.*

– Может, нам поехать в Израиль?

Марк буквально подпрыгнул на кровати. Черт, и ведь уже почти заснул... Все-таки женщины – удивительные существа! Вот сколько их было – и каждая удивляла. А уж собственная жена оказалась самой непредсказуемой! Никогда не знаешь, что услышишь в следующий момент. Вот с какой, скажите, стати ей приспичило ехать в Израиль?

Мужчина повернулся, приподнялся на локте и сверху вниз посмотрел в лицо лежащей рядом женщины. Так и есть: вид любимая имела весьма сосредоточенный, а это не сулило ничего хорошего. Впрочем, может, он поторопился с выводом? В спальне темно... только что такое «темно» по городским меркам? Свет выключен – да. Но на улице горели фонари, по потолку скользили лучи автомобильных фар, а в доме напротив светились окна. Комната была наполнена причудливой игрой света и тени, личико Ланы на подушке являло мужу то трагическую маску, то безмятежную улыбку, успешно скрывая свое реальное выражение.

Марк вздохнул: поспать прямо сейчас не удастся, а пото-

му придется заняться тем, что женщины больше всего любят делать в постели перед сном, – разговорами.

– Ты наконец-таки решила по-настоящему выйти за меня замуж и хочешь поехать в Израиль, чтобы познакомиться с моей мамой?

– Боже упаси!

– От замужества?

– От мамы! Ну, то есть не обижайся. Если ты настаиваешь...

– Да я уже почти три года настаиваю! – Марк сел в кровати и возмущенно заявил: – Я настаиваю, чтобы ты со мной расписалась. Почему ты не хочешь, я не понимаю!

– А я не понимаю, что тебя сейчас не устраивает. Мы живем вместе, отдыхать ездим вместе, хозяйство ведем совместное...

– Да? Как звучит: «совместное хозяйство»? Но это годится только для аргументов в суде при разделе имущества! А нам туда не надо! Нам нужно здесь и сейчас жить по-человечески. Я, между прочим, человек солидный и хотел бы должным образом оформить наши отношения. А то как-то... и родственники меня замучили. Никто не верит, что это ты не хочешь замуж. Все до одного думают, что негодяй Марк не женится на милой Лане, потому что из последних сил цепляется за свою холостяцкую свободу!

– Марк, ты старомоден, как патефон. – Женщина засмеялась, и Марк обиженно засопел. – Ну, перестань. – Она про-

тянула тонкую руку, голубоватую в ночном свете, взъерошила его волосы.

Мужчина перехватил ее ладонь и поцеловал. Потом губы его скользнули вниз от запястья. Какая нежная кожа, особенно здесь, на внутренней поверхности предплечья...

«Это не мужик, а секс-агрегат какой-то, – восхищенно думала Лана, чувствуя, как мужчина придвигается поближе и поцелуи его становятся все более горячими и жадными. – Ведь мы занимались сексом только сегодня утром! И это в понедельник!» Вчера днем Настя ушла гулять с подружками, Лана и Марк остались дома убирать квартиру. Кое-что действительно прибрали: ковры пропылесосили, со шкафов пыль вытерли. А потом она погнала Марка мыть люстру. Ворча, он влез на табуретку и принялся снимать многочисленные хрустальные висюльки. Лана протирала безделушки на книжных полках... Ну, собственно, в дальнейшем она была сама виновата. Но удержаться было невозможно: Марк стоял на табуретке, его живот пришелся как раз на уровень ее лица. Благодаря регулярным занятиям спортом и сексом живот у Марка был плоский, мускулистый. Но тогда он выглядел таким беззащитным... как у ежика, который развернулся весной... и, пробегая мимо... Лана его за живот куснула. Само собой, не ожидавший такой засады Марк свернулся с табуретки, после чего они долго носились друг за другом по квартире, пугая соседей криками, а потом ей пришлось просить прощения и целовать укушенное место... в

общем, люстру домывали с помощью вернувшейся с прогулки Насти. Лана улыбнулась и откинула одеяло, подставляя себя под поцелуи вполне проснувшегося Марка.

На этот раз повизжать в свое удовольствие не удалось – в соседней комнате спала дочь, вроде было неудобно. Однако и в сексе по-партизански тоже имеются свои плюсы.

Через некоторое время мужчина уполз курить на балкон, а она задремала, теплая и счастливая.

– Так почему мы собираемся ехать в Израиль? – спросил Марк, закрывая балкон.

– Мм? Да это я так, глупости...

– Да?

Вот ведь – не отвяжется теперь!..

– Ну, там море, грязи, врачи... Стена Плача, в конце концов.

– Ты опять?

– Но ведь ты хочешь ребенка!

– И что? Ты же была у врача, ты помнишь, что он сказал? Здорова как лошадь!

– Фу, как грубо. Про лошадь он ничего не говорил.

– Да? Это тебе не говорил. А мне дядя Изя сказал именно так. «Марк, мальчик мой, – сказал он. – Ты отыскал прекрасный экземпляр здоровой как лошадь женщины. Она нарожает тебе кучу детишек». И я ему верю. Дядя Изя хороший врач.

– Судя по его преискуранту, он не просто хороший – луч-

ший!

– Ой, кто бы говорил о деньгах? Хочешь дешево и сердито – сходи в районную поликлинику.

– Не заедайся. Между прочим, я была в районной поликлинике. Там работает прекрасная женщина, она уже много лет ведет наш участок...

– И что она сказала?

– Сначала спросила, проверяли ли мы твои сперматозоиды.

– Вечно вы норовите все свалить на мужиков! Надеюсь, ты ее порадовала: мои мальчики все как один шустрые?

– Да... Ты на меня сердишься? Это было так ужасно?

– Что ужасно? Сдача спермы на анализ? Ой, не говори глупостей! Подумаешь, вспомнил отрочество... Дел-то! А потом что сказала твоя районная тетенька?

– Ну-у, в общем – то же, что и дядя Изя.

– Вот видишь!

– Тогда почему я все еще не беременна?

– Ты не хочешь, – спокойно ответил Марк.

Теперь пришла очередь Ланы подпрыгнуть на кровати от неожиданности.

– Что?!

– Не ори, Настю разбудишь. Я выразился неточно. Лично я считаю, что твое тело договорилось с твоим подсознанием, и они решили подождать. Видимо, что-то в нынешней ситуации их не устраивает. Порой я думаю: а может, твое подсо-

знание хочет замуж? Может, оно мечтает увидеть штамп в паспорте? И тогда, обрета стабильность и уверенность... Что ты фыркаешь? Области сознательного и бессознательного – одни из интереснейших моментов не только в медицине, но и в философии...

– Ах ты, поросенок! Да что ты понимаешь в сознательном и бессознательном? Ты же стоматолог!

– Я очень эрудированный стоматолог.

– Ты очень болтливый стоматолог!

– Да? Ну раз мы перешли на личности, тема, видимо, на сегодня исчерпана, – давай спать.

Марк ехал на работу. То есть более точно этот процесс можно описать словами: «Он стоял в пробке по дороге на работу». «И почему я не езжу на метро?» – каждое утро задавался он вопросом. Наверное, это было бы быстрее и не так выматывало нервы, как этот дурацкий хвост, неизвестно по какой причине выстроившийся на Садовом. Проехали немножко, потолкались, мерс вынырнул вперед, его подрезал джип, мимо них, вплотную прижавшись к тротуару и сердито гудя на пешеходов, просочилась «тойота»... А на следующем светофоре все опять встретились – и все началось по новой: свет зеленый, стадо машин вздрогнуло, джип вырвался вперед, его подрезал мерс... Марк спокойно наблюдал за попытками людей прорваться вперед. Надо только выйти из дома непоздно, ехать аккуратно, не заводиться на всяких козлов (вот что за идиот висит на крыле справа?)

– тогда появляется реальный шанс добраться до работы живым и вовремя. Первый пациент сегодня записан на девять тридцать, так что он все прекрасно успеет.

Несмотря на дурацкий вчерашний разговор, утро началось неплохо. Настя сумела собраться в школу, ничего не разбив и не потеряв. Больше года он потратил, пытаясь приучить дочку Ланы собирать портфель с вечера, но потом решил, что, если за год не удалось выработать условный рефлекс – это дело безнадежное. А потому Марк просто встал первым, быстро принимал душ, брился, собирался, потом неспешно завтракал на кухне, наблюдая, как его женщины – Лана и Настя – мечутся по квартире, собираясь соответственно на работу и в школу.

– Настя! Где моя помада?

– Не брала.

– Тогда куда она делась?

– Марка спроси, он всегда все знает.

– Марк... тьфу, Настя! Где фен?

– Не знаю... мам, а ты не видела тетрадку по биологии?

Каким-то непостижимым образом двум растеряшам все же удавалось одеться и загрузить почти все необходимые вещи в сумки, потом все трое вываливались на улицу. Настя нога за ногу удалялась в сторону школы, Марк нырял в свой темно-синий «ниссан», Лана садилась в желтенькую «ноту» (маленький «ниссан»), – все торопились начать трудовой день.

Марк продвинулся еще немного по Садовому и решил, что надо бы перестроиться в правый ряд. Он сунул руку в коробку для дисков, нашарил там сперва тюбик помады (Лана), несколько палочек пастели (Настя), пачку сигарет (кто-то из приятелей забыл)... ага, вот и диски. Надо бы прибрать в машине, да все недосуг. Слушая Армстронга – да, старомоден, ну и что? – он улыбался. Нельзя признаваться в том, что счастлив – можно сглазить. Кто-то из классиков сказал, что боги бывают завистливы. Но вообще-то Марк чувствовал себя вполне счастливым. Больше двух лет назад он встретил чудесную женщину... не сразу все сложилось, их отношения начались с некоторых приключений... но потом они поладили, стали жить вместе... Настя – Ланина дочка, сероглазый ангел – относится к Марку вполне неплохо. Тетя Рая – любимая тетюшка Марка, фактически заменившая ему мать, – была просто счастлива, баловала Настю, помогала «молодым» по дому, разнообразя традиционную кухню блюдами китайскими и итальянскими.

Вот и нужный поворот с Садового. Мысленно Марк был уже на работе. Надо сказать, работу свою он любил. Хорошие доходы, приятные (в основном) коллеги, быстрая карьера – в прошлом году он защитил докторскую. Чего еще желать стоматологу? Ну, вообще-то для полного счастья надо бы уговорить Лану расписаться, неплохо было бы, чтобы она родила ребенка. А лучше – двух. Сперва, конечно, одного, а там как Бог даст.

Марк припарковал машину, насвистывая, дошел до подъезда, поздоровался с охранниками, с интересом оглядел пробежавшую мимо стайку испуганных практикантов. Какие интересные кадры подрастают, а? Особенно вон та девочка – крепенькая такая, с косой до попы... Добравшись до кабинета, он обнаружил отсутствие медсестры и нахмурился. Что же это такое? Помнится, работала у него Катя... Мозгов Господь ей отмерил как морской свинке, но девушка была добрая, исполнительная, взидала на врача с почтением и даже временами побаивалась. Впрочем, Марк ее не обижал; он вообще никогда не обижал женщин, за что пользовался неизменной любовью и расположением прекрасной половины человечества. Но потом Катя вышла замуж, и ему выдали Свету. Сперва-то он по наивности решил, что это хороший знак – его жену (пусть и без штампа, но Марк искренне считал Лану своей женой) тоже зовут Светлана. Но все оказалось не так гладко. Света решила, что, раз она хорошенькая, шефу нужно строить глазки. В целом Марк понимал, в каком направлении работают мозги девицы. Если доктор распустит хотя бы руки, его потом можно будет в случае чего приструнить, избежать таким образом бесконечных выговоров за неаккуратность, опоздания на работу, долгие перекуры. Однако усилия Светы были тщетны: Марк оставался отстраненно-строгим и в неслужебно-интимные отношения вступать не спешил, несмотря на полупрозрачный халатик, томные взгляды, случайные прикосновения и прочие нехит-

рые засады медсестры.

– Ну я просто не знаю, что еще сделать, чтобы он обратил на меня внимание, – жаловалась Светочка подруге. – Халат короче некуда, чулки вместо колготок, духи дорожные. А он смотрит на меня, словно я Ангелина Васильевна.

– А кто такая Ангелина Васильевна? – с удивлением спрашивала подруга, отрываясь от коктейля. Она весьма походила на Светочку: такая же худая: диета – принцип жизни, перекрашенная в блондинку. Все звали ее Муша – за родинку над верхней губой.

– Мымра из бухгалтерии, – отмахивалась Светочка. – Очки и вставные зубы. Знаешь, я тут прочла в одном журнале, что мужчину нужно заинтересовать своими проблемами, чтобы он почувствовал... – Светочка замерла с открытым ртом. Вот черт, там было такое слово... Она полезла в сумку, извлекла глянцевого журнала и принялась торопливо перелистывать яркие странички. – Ага, вот – «причастность».

– Ну, не знаю... – протянула подруга. Она работала в отделе парфюмерии крупного магазина и духи всегда имела халявные, потому что духи всегда были у медсестры. Непривычные люди иной раз шарахались в сторону, сраженные волной запаха. – Мой Димон, например, не захочет слушать о моих проблемах. Я ему тут рассказывала, как старший менеджер на нас орал, а он заснул! Прикинь!

– Твой Димон кто? Механик! А я пытаюсь завалить интеллигента с высшим образованием!

– Ну и что, что механик! – обиделась Муша. – Зато он зарабатывает прилично, и вообще с ним весело. Поженимся мы скоро... а твой интеллигент... я вообще не понимаю, на кой черт тебе нужен! Сама же говоришь – не улыбнется и вообще, похоже, нудак...

– Ничего подобного! Если хочешь знать, о нем до сих пор легенды ходят по институту! До того, как он связался с этой своей бабой, он был самым большим котом, представь! Девушки говорят, он как машина – может сколько хочешь и вообще владеет всеми техниками секса, включая... – Светочка скосила глаза на журнал. – Тантрический!

– Подумаешь! Секс – он и есть секс! – не сдавалась Муша. – Вот у нас канал есть по телику кодированный, там круглосуточно порнуху крутят. Так скажу тебе, подруга, ничего особо нового я там не увидела, и надоело довольно быстро.

– Дело не только в сексе... Начальника лучше контролировать... тогда и зарплата побольше будет, и вообще, если бы он со мной спал, не стал бы ко мне так придирааться.

– Значит, ты все же надеешься отбить его у жены?

– Да не жена она ему! Я узнавала – по документам он холост. Так что наше дело правое.

– Смотри, а то давай познакомлю тебя с Мишаней, он с Димоном работает, хороший парень.

– Познакомь. Но одно другому не мешает. Я тут кое-что придумала... Ой, пора бежать, а то мой опять ворчать будет.

Она опоздала, но сегодня Марк даже не ворчал. Он просто

холодно глянул на нее и сказал:

– Позовите следующего пациента, пожалуйста.

– Простите, Марк Анатольевич, – залепетала Светочка. – Я не нарочно! – Она прижала кулачки к груди и старательно хлопала глазами, чтобы вызвать слезы. – У меня...

– Светлана! Будьте добры, позовите пациента.

Светочка растерялась. Сегодняшний строгий тон был не похож на обычную шутливую манеру разговора. Марк и сам не мог понять, почему взъелся на девушку. Впрочем, она вообще заслуживает того, чтобы ее уволили. Надо будет сходить в администрацию, поговорить, может, дадут кого-то другого. Невозможно работать...

Он бросил невнимательный взгляд на дверь. Вошел пациент – мужчина тридцати приблизительно лет. Поздоровался, улыбнулся медсестре так, что та застыла на месте и захлопала глазами. «О господи, – с раздражением подумал Марк, – ну не дура ли?» Впрочем, мужик эффектный, ничего не скажешь. Смуглый, красивые серые глаза, хорошо одет. Немного нарочито эффектно: голубые джинсы, замшевые туфли, кожанка явно из европейского бутика. И эта трехдневная щетина под Бреда Питта... но ему идет. Сел на стульчик рядом с креслом, произнес сакраментальное: «Ну, давайте посмотрим, что у нас тут», – взглянул на мужчину ближе. Да, бабы небось падают направо и налево, еще до того, как он рот откроет. Но вблизи видно, что ему не тридцать. Может, на пару лет моложе Марка, а то и ровесник. Беглый осмотр

убедил врача в том, что ни в какой помощи пациент не нуждается. Зубы находились в идеальном порядке.

– Не вижу проблем, – убрав зеркальце изо рта и вопросительно вздернув брови, сказал Марк.

– Да я, собственно, ни на что не жалуюсь, – улыбаясь, сказал мужчина. – Но скоро нужно ехать за границу, вот и решил заглянуть – не хочется неприятных сюрпризов за рубежами. Все же – отечественная стоматология привычнее.

– Редко встретишь такого разумного человека, – рассмеялся в ответных комплиментах Марк. – Но думаю, вы можете быть спокойны. У вас все хорошо, даже отбеливание не стану предлагать. Видимо, недавно делали?

Мужчина кивнул. Встал, поблагодарил и, забрав минимальный счет за консультацию, ушел.

Марк взглянул на медсестру – та смотрела на закрывающуюся за сероглазым красавцем дверь, приоткрыв рот и явно витая в эротических фантазиях, – пожал плечами и пошел сам звать следующего пациента.

Сегодня Лана пришла на работу за полтора часа до официального начала рабочего дня. Уволившись в свое время из крупного охранного агентства, она решительно отвергла предложения Марка поискать работу у кого-нибудь из его многочисленных родственников, – просто разослала резюме по кадровым агентствам. Два собеседования прошли неудачно, но третье место Лану вполне устроило: от дома недалеко,

зарплата хорошая, компания крупная и очень перспективная, со значительным участием западного капитала, солидным соцпакетом и офисом в новеньком бизнес-центре класса А. Юридический отдел – пять человек. Одним из условий приема на работу было знание английского языка на разговорном уровне. Лана собеседование прошла, но начальство предложило ей активизировать подзабытые неправильные глаголы и идиоматические обороты и походить на курсы английского. Чтобы не отрывать сотрудников от работы, преподаватели приходили прямо в офис два раза в неделю. Лана вспоминала язык быстро, и общение с топ-менеджерами, среди которых были голландец, швед и англичанин, не вызывало проблем.

В коридоре бизнес-центра она наткнулась на Томаса, одного из руководителей компании. Высокий светловолосый швед здорово походил на известного актера Дольфа Лундгрена и отличался ровным нравом, за что за глаза его прозвали Миротворец. Швед шмыгал носом, но улыбался, как всегда, приветливо:

– Hi! Вы сегодня рано. Аврал в юротделе?

– Good morning! Нет, в нашем отделе все спокойно, но у меня сейчас занятия английским.

– О! Да вы молодец!

Томас чихнул. Сочувственно глядя на его покрасневшие глаза, Лана вежливо поинтересовалась:

– Простудились?

– Нет, это аллергия. – Чих. – Зашел в спортзал, а там что-то красят и такой запах! Я сбежал, но вот теперь... – Чих. Чих.

– Хотите, я дам вам таблетку от аллергии?

– Какую?

– Кларитин.

Швед вздернул брови.

– Ну... – объяснить по-английски принцип действия антигистаминного препарата было трудновато, поэтому Лана просто сказала: – Я дочке даю, когда тополя цветут.

– Давайте, – неуверенно кивнул Томас.

Лана занесла таблетку и стакан воды, улыбнулась бурным изъяслениям благодарности и пошла на занятия, раздумывая о странных людях, которые считают северные народы сдержанными и даже холодными. Томас из всех старших управляющих оказался самым приветливым и улыбочивым. И вообще он был душка.

Сегодня на занятие пришло всего трое: преподавательница Ирина, Лана и ее коллега Тата. Трое мужчин из финансового отдела временно выбыли из рядов учащихся в связи с переходом фирмы на новую систему отчетности. Они тоже пришли на работу пораньше, но сидели в своих кабинетах, приклеившись к компьютерам, и слова из-за дверей доносились все больше исконно русские, характеризующие затруднительную ситуацию, в которой вся отчетность пребывала последнее время.

Пользуясь случаем, девушки решили устроить себе урок живого общения и принялись обсуждать мужиков, само собой – исключительно по-английски. Лана рассказала про больного Томаса и заметила, что, если судить конкретно по данному представителю шведского народа, это очень приветливая и общительная нация.

– Ха! Да он просто к тебе неровно дышит! – заявила Тата.

– Не выдумывай.

– Со стороны виднее. Так что не хочешь неприятностей на работе – не поощряй улыбочливое начальство и не спасай его от насморка, долгов, мышей... и всего остального. Хотя, с другой стороны, не угодишь – можешь с работы вылететь.

– Еще чего! – в запале Лана перешла на русский. – Пусть попробует! Да я на него в суд подам за сексуальные домогательства. Что мы, блин, хуже Америки?

– Девочки! – Ирина погрозила пальцем. – Говорите по-английски, please!

– А он что, уже домогался? – Тата округлила глаза.

– Нет, но вдруг...

Все дружно захихикали.

– А за просто так? – не отставала Тата. – Неужели он тебе не нравится? Такой большой, симпатичный! Небось покруче твоего дантиста!

– А вот и ошибаешься! Круче не бывает!

После занятия рабочий день потек своим чередом. К обеда пришла рассылка, сообщающая, что через неделю состо-

ится празднование десятилетия фирмы и по этому поводу будет иметь место грандиозная корпоративная вечеринка.

На удивленный вопрос Ланы – при чем тут круглая дата, если по документам компании год, ей ответили, что это к иностранцам фирма перешла в прошлом году. А до того неплохо существовала на российском рынке под другим названием. Некоторые были уверены, что дальше фирма могла бы существовать даже лучше без всяких англоязычных начальников.

Так или иначе, руководство решило использовать круглую дату для модного нынче тимбилдинга. Не путать с бодибилдингом и Джастином Тимберлейком. Team с английского переводится как команда, и, соответственно, термин означает создание дружной и креативной (опять английский!), то бишь творческой атмосферы в коллективе. Как всякое модное поветрие, привнесенное на российскую почву, западная технология по созданию и налаживанию отношений мутировала и в нашей среде принимала самые различные формы, где-то вырождаясь в банальные пьянки, где-то – давая возможность начальству отслеживать инакомыслящих, порой выливаясь в нудную до зубовного скрежета процедуру, которая не приносила ровным счетом никакой пользы. В данной компании, где теперь трудится Лана, руководство еще не потеряло надежды скрестить статую Свободы с Чебурашкой, то есть западные принципы работы с российским менталитетом, а потому с энтузиазмом проводило всякого рода

выездные и не очень мероприятия. Вечеринка, посвященная десятилетнему юбилею фирмы, была объявлена балом-маскарадом, всем предписывалось явиться в костюмах. За лучший костюм начальство обещало приз.

Дома за ужином Лана спросила:

– Марк, как ты думаешь, какой костюм мне подошел бы больше всего?

– Евы, – не задумываясь, выпалил тот.

– С ума сошел?

– Ну... некоторым нравится кожа и высокие сапоги... ты будешь очень классно смотреться в кожаном прикиде. – Оживившийся бойфренд заблестел глазами и даже отложил вилку. Лана, подобрав челюсть, покрутила пальцем у виска и указала глазами на Настю, которая с кислой миной ковыряла рис с креветками.

– А я что? – Марк обиженно пожал плечами. – Я ничего. Ты сама начала.

– Она имела в виду бал-маскарад, который у них будет в офисе, – пояснила Настя. – А вот ты про что подумал?

– Я? – Марк захлопал глазами. – Ну... я думал, она про Новый год...

– В апреле? – Настя взглянула на сидящего напротив мужчину и озабоченно покачала головой. – В отпуск пора, – заметила голосом тети Раи. – Заработался.

Решив прекратить недетский разговор, Лана спросила дочь про успехи в школе. Настя как-то сразу заскучала, быст-

ро доела ужин и ретировалась в свою комнату.

Взрослые остались в кухне одни, и Лана принялась рассказывать про бал-маскарад, но Марка понесло: он упорно советовал ей разориться на что-нибудь кожаное, потому что костюм принцессы или Снежной королевы – вещь хорошая, но сезонная. Да и надоедает быстро. А вот кожаный прикид можно использовать многократно, дополняя различными аксессуарами...

Лана хотела рассердиться, но не смогла. Они долго веселились, придумывая ей костюм, Марк даже нарисовал кое-что. Однако на следующий день Лана все же занялась вопросом маскарадной экипировки всерьез, для чего в рабочее время ползала по Интернету. В результате они с Татой нашли агентство, в котором можно было взять напрокат вполне симпатичные и качественно сшитые карнавальные костюмы. Съездили туда после работы, померили, заплатили деньги. Как оказалось, подобные услуги в наше время вполне востребованы, видимо, народ не перестает веселиться. Агентство размещалось в приличном районе. И состояло из склада и пары просторных примерочных комнат, увешанных зеркалами. Посмотрев каталоги, Лана выбрала костюм Красной Шапочки. Ей понравилось платьице с корсажем на шнуровке и весьма недетским вырезом, пышная юбка подчеркнула тонкую талию. На голову консультант Наташа водрузила красный чепчик, а в руки дала премилую корзиночку. Все хором согласились, что ни один Серый Волк не устоит. Лана,

вспомнив Марка, заплатила за два дня проката. Один вечер она будет щеголять в костюме на балу, а во второй... можно будет устроить частное шоу для одного знакомого стоматолога...

Тата мучилась с одеждой гораздо дольше. Она перепробовала множество образов: Снегурочку, Русалочку, Микки Мауса. Глюкозу, Верку Сердючку, Кондолиза Райс была отвергнута сразу. В конце концов Наташа, поглядывая на часы – время подходило к девяти, – сказала:

– А давайте вы будете просто знатной дамой. Смотрите, у нас богатейший выбор нарядов восемнадцатого и девятнадцатого веков. Выберите любой, назовитесь... ну, княжной Щербатовой. Или Таракановой.

– Не хочу Таракановой, она плохо кончила, – капризно сказала Тата.

– Тогда Дашковой. Весьма известная женщина.

– Ну, я не знаю... и где эти ваши платья?

Наташа споро притолкала длинную вешалку, на которой разместился тематический гардероб. Роскошные платья заставили бы умереть от зависти любую модницу позапрошлого века. Парик с буклями, мушка на щеке, кружевной веер, платье с кринолином и голыми плечами – Тата осталась довольна.

Апрель – очень загадочный месяц. По крайней мере, в Москве. То есть все знают, что это уже весна, но какой она

будет – угадать совершенно невозможно. С мартом все как-то более определенно. Бабушка, кряхтя и неодобрительно поглядывая на кургузенькие внучкины джинсики, повторяла, что пришел марток – надевай двое порток. При этом народная мудрость отнюдь не имела в виду стринги. Есть такой милый и смешной день – Восьмое марта, когда все вокруг тащат цветочки и женщины трогательно улыбаются в букеты. Но особого тепла и всего прочего весеннего как-то никто не ждет. Только самые чувствительные и романтические натуры – и коты, само собой, – приносятся к влажному ветру и утверждают, что небо совершенно другого цвета, не такого, как зимой, и воздух пахнет мокрым деревом, а иной раз даже землей. Снег делается мерзким и грязным, он надоед всем, и дворники, как терминаторы и спасители городов, колют сугробы, раскидывая серо-бурые глыбы, чтобы они скорее таяли и уносили с собой зимнюю тяжесть и холод. И вот приходит долгожданный апрель. А снег метет. Или дождь идет. Иногда они чередуются. Бывает, что кто-то там, наверху, выключает осадки, но забывает включить солнце, и город погружается в сырой тоскливый сумрак, когда ветерено, серо, сопливо. Все ждут тепла, даже лед почти растаял... но и шестнадцатого апреля может начаться снег, завалить улицы и дороги, испортить настроение, заставить шмыгать носом, потому что шубу надевать уже нет сил, дубленка в чистке, а курточка тонкая и ноги, кажется, опять промокли. Часть городского населения пребывает в сезонной спяч-

ке, хмуро бурчит по утрам и тащится на работу, как будто на дворе ноябрь и перспектив ровным счетом никаких. Другая же часть развивает бурную деятельность, вдруг осознав, что скоро сессия или отпуск или просто надо срочно худеть, потому что на календаре уже весна, съеденные для борьбы с сезонной депрессией шоколадки прочно обосновались на бедрах, а все говорят, что будет модно мини...

В мае мы все же гарантированно имеем листочки, цветочки, весеннее теплое солнышко, пикники на природе. Но вот апрель! Никогда не знаешь, какого числа увидишь, наконец, на газончике заморенную мать-и-мачеху, а тем более яркий улыбчивый одуванчик. Лана возвращалась с работы, ежилась в тонкой замшевой курточке. Включила печку в машине. Что за погода, а?

Она вдруг вспомнила апрель, когда родилась Настя.

В тот год весна выдалась теплая и удивительно солнечная. Снег растаял как-то очень быстро, или она просто не заметила, потому что все время поднимала лицо к солнышку и прислушивалась к тому, что делается внутри, запретив себе обращать внимание на происходящее вовне. Роддом не оставил у молодой мамы положительных воспоминаний: грязновато, страшно, персонал малокоммуникабелен и почти неуловим, но она, слава богу, родила, девочка получилась здоровенькая, как-то само возникло имя – Анастасия. Лана тогда все стояла у окна в коридоре, глядела на улицу в ожидании Вадима. Она вглядывалась в каждую мужскую фигуру, появля-

ющуюся в поле зрения, и потому точно запомнила, что весна была теплой: мужчины уже ходили в плащах и ветровках, а некоторые подвыпившие отчаянные экземпляры приползали под окошки роддома в рубашках. Вадим под окнами не торчал, но забирать ребенка приехал. Привез цветы и был так хорош собой, что провожать Лану высыпал чуть ли не весь женский персонал роддома... Лана видела, как сестрички и докторши смотрят на ее мужа, как перешептываются, но совершенно не ревновала, не расстраивалась, преисполняясь радужных надежд на будущее. Впрочем, ничего у них не получилось...

Трудовая неделя промчалась совершенно незаметно, не оставив после себя ничего, кроме чувства легкого разочарования и утомления: погода и не думала налаживаться, у Нasti в школе случилось родительское собрание, где Лане попеняли, что девочка должна не только рисовать, но и учиться. У тети Раи держалось давление, и Лане приходилось самой готовить... В общем, не успели оглянуться – вот и пятница, объявленная коротким днем, за которым следует грандиозный праздник. Накануне вечером Лана укладывала в чехол маскарадный костюм, который примерила специально для Марка. Марк костюм горячо одобрил, но потом помрачнел и ворчливо спросил:

- А Серый Волк там будет?
- Не знаю, а что?
- Как-то мне боязно тебя отпускать в таком... беззащит-

ном виде. Платице такое... милое... и чепчик. Слишком большое искушение для волков... А может, я с тобой пойду? Точно! Могу сгонять быстренько в агентство и разжиться шкурой и хвостом! Буду твоим персональным Серым Волком!

– Ты бы хоть первоисточник перечитал! Волк не охранял Красную Шапочку – он ее ел. А защищал охотник.

– Да? Ну, не знаю. Терпеть не могу охоту. Но если ты настаиваешь...

– Марк, не дури. Там будут только сотрудники фирмы. Тимбилдинг, андерстенд?

Корпоративная вечеринка – тяжелое испытание для организма. Достигнув зрелых тридцати двух лет, Лана поняла, что свой организм нужно любить и беречь, то есть не запихивать в него все те сомнительные яства, которыми щедро снабжает нас пусть даже очень неплохой ресторан, снятый руководством с целью сплочения коллектива. Но ограничить себя в питании оказалось намного проще, чем ограничить общение. Маскарад на то и костюмированный бал, чтобы люди могли хоть на время спрятаться под масками. Само собой, человек, желающий продолжить работу в данной фирме, не станет слишком увлекаться, потому что длинный нос или пиратская повязка через глаз – всего лишь иллюзия анонимности. Все равно все знают, кто есть кто, и в понедельник будут сладострастно перемывать кости коллегам и начальству.

Как любая российская мама среднего достатка, перед праздником Лана прибрала в квартире, приготовила ужин, проверила уроки и пригрозила дочери, что, если математика не начнет, наконец, выбираться из троек, она лишит Настю...

– Чего? – с интересом спросила девочка.

– Телевизора!

– Не больно-то и хотелось! Там фигню показывают, особенно по дважды два...

– Настя!

– Да ладно, мам, я поняла. Попрошу Петьку, он мне объяснит.

Лана, не уверенная в Петькиных познаниях в области математики, предложила попробовать в качестве репетитора Марка. Настя скептически приподняла брови, но обещала рискнуть. На этом они помирились, Лана побежала в ванную принимать душ и краситься. Настя примерила на голову чепчик Красной Шапочки и ополовинила корзинку с конфетами. За конфеты попало, но не очень.

Лана поехала на маскарад в костюме. Подумав, она решила не ехать на машине и не толкаться в метро. Вызвала такси, облачилась в прошлогоднее шерстяное пальто и сапожки. В сумку аккуратно положила чепчик, корзиночку с конфетами (замена пирожкам) и туфельки. Итак, вперед, сливаться в экстазе с коллегами и начальством.

Просторный зал ресторана украшали гирлянды разно-

цветных лампочек: множество огоньков самых разных цветов и конфигураций. Они добавляли пестроты и загадочности маскарадным костюмам, милостиво сглаживали недостатки и огрехи людей. Лана пробиралась за метрдотелем к своему столику, приветливо помахивая рукой знакомым, кокетливо приседая в книксене и не переставая удивляться, с чего это главный финансовый аналитик одет в костюм Бура-тино, а логистик – мужчина весьма брутальной внешности – щеголяет кроличьими ушками и пушистым хвостиком, не очень ровно нашитым на брюки от серого тренировочного костюма. Лана невольно засмотрелась на хвостик, а потом вдруг увидела прямо перед собой огромную устрашающую фигуру в рогатом шлеме и испуганно взвизгнула.

Томас моментально снял шлем и покаянно опустил коротко стриженную светлую голову:

– I'm so sorry! Я не хотел вас напугать.

Хлопая глазами, Лана разглядывала рогатый шлем, который мужчина неловко держал на сгибе руки, широкие плечи, неплотно задрапированные в чью-то шкуру, кожаные штаны и ремень, тяжелую палицу.

– О! Вы викинг! – осенило ее наконец.

– Yes! – просиял Томас. – Вы не сердитесь, что я вас напугал?

– Напротив, мой испуг может служить лучшим доказательством того, что ваш костюм исключительно удачен, – пролепетала женщина. – Думаю, главный приз будет ваш.

– О нет. – Он чуть наклонился к ней и сказал: – Я бы отдал приз вам. Вы так хороши и неформальны в этом милом платьице.

Лана улыбнулась как можно шире и устремилась к столику, за которым уже изнывала от нетерпения и любопытства Тата. Тата обмахивалась веером, во-первых, потому, что это выглядело изящно, а во-вторых, потому, что в зале действительно было душно.

– Что он тебе сказал? – принялась она теребить Лану.

Но та не успела ответить: начальство принялось произносить речь, которую полагалось слушать с внимательно-одобрительным выражением лица и не шептаться. Лана с привычной осмотрительностью ограничила ужин салатом и сыром, выпила пару бокалов шампанского и смогла дожить до конца официальной части мероприятия, не умерев от скуки. Сотрудники уже приняли по достойной дозе алкоголя и теперь собирались танцевать. Лана чувствовала приближение неизбежного: весь вечер она просто кожей ощущала взгляд шведа. Даже подумала, не сбежать ли домой... но потом отказалась от этой мысли, понимая, что только оттянет неизбежный момент выяснения отношений. Опасения ее оправдались в полной мере: едва зазвучала медленная музыка, Томас решительно поднялся и тяжелой – благодаря шнурованным ботинкам – поступью подошел к столу. Протянул руку Лане и пригласил на танец. Лана встала. Взглянула в голубые, окруженные светлыми ресницами глаза и спросила:

– Неужели нам обязательно танцевать втроем?

– А?

Швед нахмурился и стал похож на недовольного викинга.

– Мы будем танцевать втроем? Вы, я и ваша палица?

Томас удивленно взглянул на оружие, которое по-прежнему сжимал в руках, расхохотался, пристроил палицу на стуле, попросил кого-то присмотреть, чтобы не сбежала, и увлек Лану на танцплощадку. Времени на хождения вокруг и около он терять не стал и сразу на первом круге спросил, не могли бы они как-нибудь посидеть где-нибудь вдвоем? А вообще-то было бы здорово, если бы она нашла время показать ему Москву, а то обидно – приехал уже полгода назад, а нигде, кроме Красной площади и ресторанов, собственно, не был.

Лана положила руку на косматую шкуру, прикрывавшую мускулистый торс, сказала:

– Мне бы не хотелось портить с вами отношения, Томас, но... У меня есть друг. Фактически муж.

– А кто он по профессии? – с интересом спросил Томас.

– Дантист.

– О! Это хорошая работа... Но вы очень смелая женщина! Связать свою жизнь с дантистом! Я их до сих пор побаиваюсь...

– Ну, он оставляет свои металлические инструменты на работе, а все остальное я вполне в силах контролировать.

Томас расхохотался так, что ему пришлось вытереть вы-

ступившие на глазах слезы. Лана раздумывала, как бы поделкатнее распрощаться, когда швед неожиданно спросил:

– А как вы думаете, ваша коллега, Тата, не будет против, если я попытаюсь за ней поухаживать?

– Почему вы решили, что она будет против?

– Э-э, она такая строгая. И улыбается редко...

– Вы меня удивляете! Захватывая российскую компанию, вы были весьма решительны, а сейчас опасаетесь поухаживать за женщиной?

– Не скажите! С компаниями намного проще, чем с женщинами. К тому же мне иной раз кажется, что Тата ко мне не очень хорошо относится. Она так напрягается, если мы разговариваем... Или просто шарахается.

– Открою вам маленький секрет. – Лана мысленно перекрестилась, надеясь, что не выставит подругу профнепригодной: – Тата не очень уверенно говорит по-английски и каждый раз переживает, что не поймет чего-то из ваших слов или не сможет объясниться. Отсюда напряжение.

– О! – Томас радостно заблестел глазами. – Тогда у меня есть совершенно веский повод для сближения! Ей же нужна разговорная практика!

Следующие три танца Тата провела в медвежьих объятиях викинга. Первые два она еще трепыхалась и порывалась вернуться к столику, но потом, к огромному облегчению Ланы, дело пошло на лад, веер снова кокетливо замелькал в воздухе, перышки его щекотали нос отважному шведскому

завоевателю.

Через некоторое время, порядком устав от шума и танцев, Лана с Татой отошли в сторонку, а потом и вовсе выбрались во дворик, где обнаружилось пустое летнее кафе. Женщины решили, что им нужно отдохнуть, и собрались было сбегать в гардероб за куртками и пальто, но тут явился официант, принес пледы, газовую лампу и удобно устроил дам за столиком. Они спрятались ото всех в полумраке, дышали свежим вечерним воздухом и поглядывали на освещенные окна ресторана. Оттуда долетали музыка и смех. Само собой, сперва они обсудили Томаса и пришли к мнению, что он очень даже... Потом Тата закурила, а Лана пила шампанское и жаловалась на жизнь. То есть конкретно на Марка, который достал ее своим желанием жениться и недавно так ненавязчиво предложил съездить в круиз, намекнув, что оформление документов будет намного проще, если появится свидетельство о браке.

– Ты его любишь? – спросила Тата, щуря глаза от дыма.

– Наверное. Он такой... милый, спокойный, надежный. Нежадный, трахается, как кролик...

– Ух ты, везет же некоторым, – вздохнула Тата и добавила: – Я знаю, в чем дело. Тебе не хватает в нем червоточинки.

– Чего?

– Судя по твоим словам, он слишком положительный. К тому же я его видела, помнишь, он за тобой заезжал? Такой симпатичный, но ничего особенного. К тому же врач, а они

тяготеют к порядку и аккуратности. Он, наверное, зануда?

– Нет, – покачала головой Лана. – То есть упертость в нем есть, но не занудство. И у него имеется прекрасное чувство юмора.

– М-да. – Тата сочувственно покачала головой. – Идеальный стоматолог – это тяжелый случай. Слишком хорошо, да? Так хорошо, что зубы сводит?

– Вроде того... Я знаю, что он лучший, что он меня любит, а я тоже, наверное, его люблю, только не так, как думала, буду любить... ох, что-то я такое сказала?

– Да поняла я все! И хочу тебе сказать, подруга, что ты дура, если ждешь того же огня, что в семнадцать лет.

– Да? Наверное, ты права. И еще я все время нервничаю, потому что он очень хочет ребенка, а я не могу забеременеть.

– А он что?

– Он говорит: «Твоему подсознанию некомфортно, поэтому ребенок и не получается».

– А знаешь, может, он и прав.

– Это не облегчает мою совесть.

– Слушай, я знаю, что делать. – Тата оживилась. – Тебе нужно найти в нем недостатки.

– Зачем? – растерялась Лана.

– Чтобы полюбить вопреки, понимаешь? Наверное, твой бывший редкий был кадр в смысле дурного характера и всяких проявлений и отклонений?

– Да, можно и так сказать.

– Вот! – торжествующе подытожила Тата и затушила в пепельнице тонкую сигарету.

Тут же рядом возник молодой человек, заменил пепельницу на чистую и негромко поинтересовался, не желают ли дамы еще шампанского?..

Лана попросила шампанского, а Тата мохито. Мальчик удалился к бару, и женщины задумчивыми взглядами проводили узкие бедра и крепкие плечи. Тата вздохнула, Лана пожалала плечами. Несколько секунд они молчали, потом Лана не выдержала:

– Я как-то не поняла: что значит – вопреки?

– Вот скажи мне: какие у Марка недостатки?

– Никаких.

– Так не бывает! Давай вспоминать. Вещи разбрасывает?

– Нет.

– Поест? Любит?

– Не особо.

– Выпить?

– Вино или коньяк по праздникам рюмку-две.

– На одежду или машину деньги тратит?

– Необходимый минимум, ничего выдающегося.

– М-да, это не просто тяжелый случай, это клиника.

Тата уделила некоторое время своему мохито и разглядыванию официантов, мелькающих за открытыми дверями кухни. Но это не сбило ее с мысли.

– А что он вообще любит?

– Ну... секс.

– Да ты что! Господи, ну что за несправедливость? Где бы такого же раздобыть, а? У твоего Марка, случайно, нет близнеца?

– Нет... – Шампанское – вещь коварная, и Лана принялась выкладывать Тате то, что в другой раз и не подумала бы рассказывать. – Представляешь, мы были в его институте на мероприятии по случаю чьей-то там защиты, так его коллеги – женщины, когда уже здорово поддали, оттерли меня в угол и чуть ли не допрашивать принялись, как мне удалось усмирить Марка. Оказывается, в их клинике он считался первым жеребцом, не пропускал ни одной юбки, включая профессорско-преподавательский состав, во времена ученичества и ординатуры.

– Мама моя! – Тата округлила глаза, обе подруги захихикали. – А теперь?

– Ну, теперь дамы вроде как скучают, потому что у него есть я.

– Ох, смотри, Лана! Я такой тип мужиков знаю! Они привыкают иметь много и разных, и потом им бывает чертовски трудно удовлетвориться одной женщиной. У меня такой первый муж был. Клялся, обещал, подарки покупал. А потом опять на сторону! Не могу, говорит. Люблю только тебя, но без левака не чувствую себя полноценным.

– Нет, мне кажется, Марк не такой.

– Ну-ну. Но я, собственно, к чему это все? Даже если он

тебе изменяет, это не страшно, скорее хорошо.

– Как это?

– Может, это и есть тот недостаток, который разрушит слишком идеальный образ, и ты сможешь, наконец, полюбить его по-настоящему.

Лана пила шампанское и думала. И чем больше она думала, тем меньше ей нравилась идея, что Марк может ей изменять и что она, Лана, сможет его полюбить за это.

На следующий день Лана решила еще разок попользоваться наряд Красной Шапочки. В обед она позвонила Марку и спросила, будет ли он вовремя. Тот подтвердил, что трудовой день заканчивается конкретно в восемнадцать ноль-ноль. Молодая женщина позвонила доброму ангелу семьи – тете Рае – и попросила ее позвать Настю на ужин. Тетушка понимающе согласилась, добавив, что она всегда рада видеть девочку. Тогда Лана развила бешеную деятельность: она сбежала с работы в полшестого, заехала в супермаркет, купила любимые Марком блюда китайской кухни в местном отделении полуфабрикатов. Готовили их корейцы, а потому блюда получались, может, и не совсем китайские, но зато вкусные, и еще ни разу никто не отравился. Увешанная пакетами, она ворвалась домой, быстренько сгрузила продукты, приняла ванну, набросила шелковый халатик и принялась, напевая, накрывать на стол... Мобильник зазвонил. Улыбаясь, она подхватила трубку. Как хорошо, что он перезвонил, она

совершенно забыла, что у них дома нет вина, сейчас Марк быстренько заедет...

– Зайка моя, – раздался в телефоне голос Марка. – У нас тут спонтанно образовалась вечеринка: заведением стал дедушкой, как всегда, несколько неожиданно... ну, не в том смысле, что он был не в курсе, что станет дедушкой, а в том смысле, что роды начались на несколько дней раньше ожидаемого, но все уже хорошо, так что я сегодня задержусь, ладно? Лана? Алло?

– Да, – сказала Лана, роняя на пол витуую позолоченную свечу из роскошного набора, купленного в «Стокмане» с мыслью о сказочном вечере. – Я слышу.

– У нас все нормально?

– Да...

– Ты где?

Он слышит что-то не то в ее голосе и сейчас начнет расспрашивать... Лана взяла себя в руки и будничным голосом сказала:

– Я дома, Настя у тети Раи. Просто я устала. Лягу пораньше, не шуми, когда придешь.

– Хорошо. Пока, зайчик.

Лана схватила плед, сигареты и выскочила на балкон курить. Больше всего на свете ей хотелось перебить посуду, устроить дома показательный разгром и бардак. А когда он вернется – показать ему платье и популярно объяснить, чего он лишился.

Но так могла поступить склонная к излишней драматизации событий героиня телесериала. Современная женщина Лана не могла позволить себе так распоясаться. Часов в десять вернется Настя – и что скажет, увидев разгром? Да и посуду жалко: неплохой фарфор, между прочим, сама выбирала. Впрочем, вон та салатница ей никогда особо не нравилась... Но порыв крушить все на своем пути уже прошел, и Лана решила приберечь салатницу для другого раза. Повод разбить миску-другую всегда найдется, а на публике это делать интереснее, чем в одиночестве. Она вернулась в комнату и принялась убирать со стола. Надо же, как по-дурацки получилось, до чего не вовремя эта вечеринка. Лана всхлипнула пару раз, но решила не быть душой и не реветь: пусть он жалеет о том, чего лишился, вот! Она тут, понимаешь, ждет, она для него... Минуточку! Женщина застыла перед раскрытым холодильником. Когда это она успела так привязаться к Марку, что один несостоявшийся вечер поверг ее почти в истерику? Лана в задумчивости вытащила лоточек со спаржей и села к столу.

Они вместе уже больше двух лет. Она позволила себе расслабиться, причалить в этой тихой гавани. Позволила Марку заботиться о себе, любить себя. Как-то вдруг и сразу Лана обрела семейный очаг с Марком в роли заботливого мужа, возможность не спеша выбрать приятную работу, Настя получила тетюшку Раю в качестве заботливой и любящей бабушки. Два года спокойной и в общем-то счастливой жизни

пролетели незаметно, и вот теперь она чуть ли не в истерику впала, узнав, что он не придет вовремя, не увидит ее в дурацком платье Красной Шапочки. А вчерашний разговор с Татой? Да, обе они уже прилично напузырились шампанским, но все же мысль о том, что Марк может ей изменять, неприятно и болезненно поразила Лану. Как-то она всегда была уверена в своей единственности... но теперь... Это что же получается? Она что, влюбилась в Марка?

Зубы лязгнули по вилке, Лана с некоторым удивлением поняла, что спаржа кончилась. Раздался звонок в дверь. Настя сбежала от тети Раи, не дождавшись девяти часов, потому что та пыталась заставить девочку полоскать горло горькой микстурой, да еще хотела напоить молоком. Лана заставила капризное чадо сказать «А», убедилась в который раз, что тетя Рая была права – горло-то красное. Заварила ромашковый чай, напоила им Настю. Купировав очередное «не хочу» грозным материнским рыком, заставила прополоскать горло. Уложила капризулю, посидела с ней, болтая о том о сем. Легла в постель, бездумно щелкая каналами телевизора, решила, что сегодня не станет забивать себе голову размышлениями на тему любит – не любит. Такого, как с Вадимом, у нее больше никогда не будет. А может, оно и к лучшему.

Марк поставил пластиковый стаканчик с шампанским на стол и незаметно заменил его на новую емкость с минералкой. Там тоже подпрыгивали пузырьки, а с точки зрения

предстоящей поездки домой на машине это было более практично. Да и не нужно ему спиртное, чтобы веселиться. Он с улыбкой оглядывал коллег. Это не диссертационный совет, здесь интриг не предвидится; все счастливы вполне искренне. У человека внук родился – это же здорово! Сам новоиспеченный дед выглядел растроганным и непривычно растерянным. Он принимал поздравления, жал руки, выслушивал рассказы о младенцах и о том, что его ждет. Марк, видя, что Семен порой бывает растроган до слез, думал, что в принципе он неплохой мужик и дай ему бог. Зануда, конечно, но какой успешный заводчелением не зануда? Это не самое худшее качество для врача. Кто-то включил музыку, и в уголке образовались стихийные танцульки. «Почему бы не потанцевать?» – спросил себя Марк, отставляя в сторону минералку и решительно направляясь в сторону Полины Андреевны – новенькой докторши, которая недавно прислала ему имейл с просьбой дать почитать одну из его статей. В кармане завибрировал телефон, Марк вытянул трубку и рассеянно произнес:

– Да, я слушаю.

В телефоне что-то хрюкало и хлюпало.

– Не слышно, – сказал он, поймав взгляд Полины.

Та улыбнулась и кокетливо поправила волосы.

– Марк Анатольевич! – донеслось из трубки. – Я упала, так больно...

– Кто это? – Марк замер.

– Это Света, я в кабинете.

– Иду.

Он виновато развел руками и развернулся к выходу. Господи, надо срочно просить у начальства другую сестру. Что там эта дурочка опять учудила?

Он распахнул дверь и сразу увидел Светочку, которая сидела на полу у шкафа, держась за лодыжку. Рядом валялась опрокинутая табуретка.

– Какого черта вы полезли на мой стул? – удивленно спросил Марк, присаживаясь рядом с девушкой на корточки. – Он же крутится.

Светочка опять хлюпнула носом.

– Так ноге больно, ужасно, – жалобно протянула она. – Вдруг перелом? Посмотрите, а?

Марк осторожно ощупал ногу. На его взгляд, перелома не случилось, хотя трещина была не исключена. Возиться на полу было чертовски неудобно, и раз нога сразу не отломилась, можно было устроиться получше. Он встал, подхватил Светочку на руки. Девушка пискнула и обвила его шею, словно он собирался нести ее к алтарю. Однако Марк сделал буквально пару шагов, водрузил медсестру на стол, включил лампу и опять принялся ощупывать ногу.

– Знаете, похоже, это просто ушиб.

– Ой, как хорошо! – Светочка уже улыбалась, с благодарностью взирая на него. – А я так испугалась! Вот ведь медсестра, знаю, что надо быть спокойнее, но все равно...

Марк невольно улыбнулся, глядя на девушку: дурочка, конечно, но это по молодости. И хорошенькая опять же. Голубые глаза, опущенные темными ресницами, все еще влажные, взирают на Марка с неприкрытым восхищением, свежие губы блестят влажно, они приоткрылись, хотя девочка вдруг замолчала. Взгляд доктора невольно скользнул дальше, и он разом увидел все: и полурасстегнутый халатик, и то, что под ним нет ничего, кроме кружевного белья, надетого на молодое, жаждущее ласки тело. Ему стало смешно, но организм среагировал независимо от разума, и Марк подумал, что, случись все раньше – до Ланы, – он не стал бы отказываться. Вдруг какой-то демон шепнул ему: а с какой стати он должен отказываться сейчас, ведь это добровольный, пусть и не совсем безвозмездный подарок. Девочка-то ничего. «Ай-ай-ай, – укорил свое естество Марк. – С ума сошел? Та же надувная кукла, только говорящая. Я до этого никогда не опускался». Светочка облизнула губы розовым язычком и подалась вперед.

Дверь распахнулась, в кабинет заглянул Армен. Сделав вид, что все происходящее его не удивляет – впрочем, так оно и было, потому как с Марком они были знакомы с аспирантуры, – сказал:

– Марк, освободишься – загляни ко мне. Это насчет конференции.

Марк торопливо шарахнулся от стола.

– Подожди, я с тобой. Что там с конференцией? – Уже у

двери он обернулся и сказал сидевшей на столе девушке: – Нога цела, так что, думаю, вы справитесь без меня.

Собственно, он был уже почти уверен, что ни с какой табуретки она не падала, потому что на лодыжке не имелось даже покраснения. И зачем вообще было лезть на табуретку в комнате, где нет ни одного шкафа выше ста двадцати сантиметров?

Едва дверь за докторами закрылась, Светочка спрыгнула со стола, с губ ее сорвалось несколько крепких выражений, свидетельствующих о глубоком разочаровании исходом дела. Ну надо же быть такой душой, а? И черт ее дернул выбрать эту... импровизацию! Она подскочила к сумочке, вытащила оттуда глянцевого журнала, разорвала его, хотя это было непросто – бумага, особенно на рекламных вклейках, оказалась весьма плотной. Черт! Дурь пишут, права была Муша. Или она просто зря поспешила? Там ведь был еще такой план, долгий. Но Светочка не любила оттягивать, что-то готовить и вообще излишне напрягаться. А потому выбрала импровизацию – быстрый натиск с намерением сломить противника. И ведь уже почти! Если бы не этот Армен! ... Потом, собирая остатки журнала по полу, Светочка вспомнила взгляд доктора и поняла, что дело не в Армене. В красивых темных глазах Марка Анатольевича была насмешка – а значит, она его не зацепила и перспектив в плане развития отношений не было никаких. Светочка вздохнула и решила пойти танцевать. Ну и черт с ним, с этим доктором. В конце

концов, тут в клинике полно народу. Да и приятель Мушиного бойфренда оказался вполне ничего...

Когда Марк вернулся домой, Лана уже спала. Она слышала, как он ходил в душ, но сил проснуться не было, и она просто прижалась к нему, когда он наконец устроился рядом, счастливо улыбнулась, согретая его теплом, и заснула окончательно.

Проснувшись на следующее утро, Лана некоторое время рассматривала Марка. Он такой трогательный, когда спит. Ладно, дадим гуляке еще минут пятнадцать. Лана проскользнула в ванную, увидела брошенные на корзину для белья вещи и укоризненно покачала головой. Вот ведь поросенок, неужели так трудно сунуть внутрь? Впрочем, такое случается не слишком часто, так что простим. Она взяла рубашку... И замерла. Пальцы осторожно повернули ткань к свету. Здорово, а ведь это след помады, подле воротничка... Так, в чем он еще был? Она бегом вернулась в спальню, схватила пуловер, лежащий на стуле, принялась. Когда отняла его от лица, увидела, что Марк удивленно таращится на нее с кровати.

– Лана, что с тобой?

– Он... твой свитер... – Она с отвращением отшвырнула ни в чем не повинную вещь.

– Что с ним? Испачкал?

– От него разит женскими духами!

– Да?

– А то ты не знаешь! Как ты мог?

– Ну-ка. – Марк встал и пошел к женщине, которая злобно тарасилась на него из двери. Потом вспомнил, что он голый, а в соседней комнате спит девочка, и решил сперва одеться, а потом выяснять отношения. Торопливо натягивал спортивный костюм, поглядывал на Лану, прикидывая, не заболела ли его дражайшая половинка. – Лана, что случилось?

– Ты меня спрашиваешь? – Она даже не подумала, что может разбудить Настю, и почти кричала: – Твоя рубашка перемазана женской помадой, ты приходишь черт знает во сколько, от твоих вещей пахнет отвратительными дешевыми духами. А я-то дура! Я думала... Надо было слушать, когда твои тетки на работе намекали... Права была Тата – кобеля не переделаешь! – Слезы потекли из глаз, хотя она и не думала устраивать сцену. Как-то Лана всегда видела себя в роли леди, которая обливает холодным презрением недостойного. Но слезы брызнули помимо воли, и вот она уже выкрикивает обвинения, позабыв про гордость, достоинство и прочие глупости, не чувствуя ничего, кроме жгучей обиды.

Пока она редела и ругалась, Марк натянул штаны, обошел бушующую посреди комнаты Лану и выглянул в коридор. Там переминалась с ноги на ногу испуганная Настя, прибежавшая на мамины крики. Он подмигнул ей, прижал палец к губам и махнул в сторону кухни. Девочка послушно побрела прочь, раздумывая, удастся ли использовать разборки

взрослых, чтобы откосить от школы? Может, они поверят, что горло болит хуже вчерашнего, и вообще, сегодня две математики и две физры. Ну какой нормальный человек не захочет прогулять такой ужас?

Прикрыв дверь плотнее, Марк подошел к женщине, остановился перед ней. Лана, обессилев, всхлипывала, закрыв лицо руками. «Вот сейчас он меня обнимет и станет убеждать, что ничего не было», – думала она то ли с надеждой, то ли со злостью. Марк некоторое время молча рассматривал ее, потом отошел к кровати, сел и сказал:

– Помнишь, мы с тобой смотрели какой-то американский фильм, такой, в жанре черного юмора. Смешно было – двое хотели пожениться, и все что-то мешало: то землетрясение, то родственники, то еще что-то. А потом они все же доползли до алтаря и хором повторяли красивые слова, мол, мы вместе и в горе и в радости, и все такое... Наверное, мне надо было тоже тебе это как-то озвучить, но я полагал, что ты и так понимаешь... я, может, не очень крут и сильно сентиментален, но, если я живу с женщиной, которую называю женой, – я живу только с ней. И раз я сказал однажды, что для меня есть только ты, – то так оно и есть. Прошу тебя мне доверять. – Он смотрел на нее без улыбки, и Лана вдруг испугалась, осознав, что мужчина говорит серьезно и подобные слова два раза не повторяются.

– Я вообще считаю, что доверие – это больше, чем любовь, – продолжал Марк.

– Как это? – растерялась Лана.

– А вот так. Любовь может пройти, потому что она складывается из многих причин. Она бывает светлой, а бывает темной и мучительной, думаешь – лучше бы миновала меня чаша сия... А доверие – это ответственность, и, если ты доверяешь, ты понимаешь человека, любишь его. Хочешь жить со мной – научись мне доверять.

Марк ушел завтракать, а Лана все сидела в спальне, пыталась прийти в себя и понять, что с ней происходит. Ведь она никогда не ревновала Вадима, хотя безумно любила его! Почему? Может, была так полна девчоночьей, всепоглощающей любовью, подчинялась обожаемому мужчине и такое собственническое чувство, как ревность, просто не могло возникнуть? Лана впервые с удивлением осознала, что когда-то была поглощена и подчинена другим человеком до такой степени, что практически потеряла себя... мысль эта показалась ей неприятной.

Само собой, тем же вечером они помирились, и довольно легко, потому что... ну, наверное, потому что оба этого хотели. Забравшись в постель и прижимаясь к теплому сонному Марку, Лана улыбалась. Просто удивительно, насколько она к нему привязалась. А ведь сперва этот мужчина казался ей не то чтобы странным... привычки их были весьма несхожи. Он обожал мясо и рыбу, а Лана уже много лет питалась почти исключительно овощами и овсянкой. Не из идейных соображений, исключительно из желания сохранить фигуру.

Марк для тех же целей ходил в спортзал, а потом с чистой совестью наворачивал дико калорийные блюда китайской кухни, какую-нибудь свинину с ананасами в кисло-сладком соусе и заедал кольцами кальмара в кляре. Еще он любил джаз, а она была совершенно равнодушна к музыке. А «долгими зимними вечерами», то есть в те редкие часы, когда не надо было никуда бежать и ничего делать, Марк читал Асприна или Железны. Лана заснула на первом же романе, запутавшись в богах и героях с дурацкими именами. Сама она читала зарубежные детективы и профессиональную литературу. Ну, под настроение – стихи Ахматовой, Цветаевой.

Однако, как выяснилось, не это главное для того, чтобы чувствовать себя рядом с мужчиной спокойной и счастливой.

– Девочка, ты Настя?

Настя обернулась. Ей улыбался шикарный мужик. Девочка сразу поняла, что мужик именно шикарный, потому что он показался ей копией рекламной картинке из глянцевого журнала. Журнал притащила Ленка, они вместе разглядывали его под партой на биологии – не Маргошу же слушать, с ее глупостями про цветочки и листочки.

И вот на тротуаре стоял человек, сошедший со страниц журнала про красивую жизнь: черные джинсы, бежевый пуловер, кожаная куртка цвета кофе. Красивое загорелое лицо, чуть небрит, короткие светлые волосы и невероятно яркие

на смуглом лице серые глаза.

Настя тарасилась на видение, приоткрыв рот. Девочка была слегка ошалевшей от биологии, шума в классе, двух уроков математики с утра, на которой, вот черт, опять ни фиги не поняла. Она смотрела на мужика как замороженная и думала: точно как с картинки. Реклама чего это была? Часов? Духов? Девочка потянула носом – так и есть, сквозь пыль и гарь московской улицы до нее донесся терпкий запах кожи и дорогого парфюма. Настя взглянула на запястье незнакомца – полуприкрытые рукавом, тускло блеснули часы. «Ролекс», наверное, мечтательно решила она.

Мужчина поднял руку и взъерошил короткие светлые волосы. Настя успела заметить оригинальный перстень на безымянном пальце.

– Как тебя зовут? – ослепительно улыбаясь, спросил незнакомец.

– Настя.

– А фамилия?

– Стрельникова.

– А вы кто?

Вопрос прозвучал со стороны. Настя оглянулась. За спиной маячила Лизка. Надо же, опять следом за ней поперлась, липучка несчастная.

– Тебе чего? – нелюбезно спросила одноклассницу Настя.

– А кто это? – упорно допытывалась Лизка, рассматривая мужчину очень внимательно. – Ты его знаешь? Дяденька, вы

маньяк?

Мужчина расхохотался и покачал головой:

– Нет. Но ход твоих мыслей мне нравится.

Девочки молча смотрели на него, не зная, как воспринять подобный ответ. Мужчина махнул рукой и пошел прочь. Настя и Лиза по-прежнему стояли на краю тротуара, не замечая толкающихся прохожих, смотрели, как ожившая мечта идет к темно-синему спортивному БМВ. Вот хлопнула дверца, машина фыркнула мотором и легко умчалась прочь, бибикнув на прощание.

Настя, очнувшись, пошла в сторону дома. Лизка шла следом и бубнила:

– Ты что – ненормальная? Разве можно с незнакомыми мужиками разговаривать? А этот – точно маньяк какой-нибудь.

– Никакой он не маньяк. Шикарный мужик.

– Три ха-ха. Зачем нормальному сдалась двенадцатилетняя глиста?

– Сама глиста! Немытая! Ты в зеркало смотрелась? Голову когда последний раз мыла? Или это новое средство для отпугивания комаров и маньяков?

– Дура ты, Настька! Это лак! Чтобы прическа лежала как надо.

Лиза гордо потрянула головой, но насмерть залаченная стрижка – то ли короткий ирокез, то ли сильно заросший еж, у которого иголки встали дыбом при виде школьной дей-

ствительности, – даже не дрогнула. Настя с сомнением покачала головой. Саму ее вполне устраивал традиционный хвост, а вот Лизка спокойно жить не могла и легких путей не искала. Большая часть одноклассниц, увидев новую прическу Лизаветы, принималась упражняться в остроумии, спрашивая, кто косил этот лужок и чем болеет ежик? Не иначе тифом. Но Лизка презрительно кривила губы и носила своего крашенного в три цвета ежика с гордостью. Удивительнее всего было то, что Лизина мама ничего против дочкиной стрижки не имела. Весь класс был в курсе, что Лизкину мать вызывала директриса, но тетя Циля совершенно спокойно заявила, что ее дочь обладает глубокой творческой натурой и нестандартная стрижка – лишь один из способов самовыражения. Покажите пункт в административном документе, запрещающий стрижку под ежик. Нет? Ну и прекрасно, тогда не советую вам ущемлять права ребенка и мешать развитию девочки, это может негативно отразиться на имидже школы. Петька, подслушивавший под дверью рядом с Лизкой, прошептал:

– Молоток у тебя мамашка. Прямо как адвокат на процессе шпарит.

Настя покосилась на одноклассницу и вздохнула. В принципе Лизка девка неплохая, но, как выражается тетя Рая, маленько малахольная. А вот Марк, всегда осторожный в словах и оценках, охарактеризовал Настину одноклассницу как натуру увлекающуюся.

Увлекалась Лизка действительно сильно – то тем, то другим, сменялись ее интересы довольно быстро. Еще недавно девушка не хотела слышать ни о чем, кроме генеалогии, замучила всех родственников, составила свое родовое древо до какого-то там колена. Работа была высоко оценена близкими и друзьями, и Лизка, возомнив о себе бог весть что, стала приставать к окружающим с предложением помочь в написании родословной.

Лично у Насти сей порыв понимания не встретил. Это Лизке хорошо рисовать корни, веточки и листочки, надписывая имена и даты: у нее имеются папа, мама, противный младший брат, дяди, тети, бабушки, дедушки, причем все это – в количествах, превышающих мыслимые нормы. У самой Насти имелись только она сама и мама. От папы осталась запись в свидетельстве о рождении, а больше ничего. На все вопросы дочки мама ответила один раз, объяснив, что рассталась с ее отцом, когда Насте было три годика. Этот безответственный тип признал, что сделал ребенка по ошибке, и теперь не собирается до конца жизни слушать писк и чувствовать себя связанным по рукам и ногам, потому что позвать гостей нельзя – Настя болеет, поехать куда-то – тоже проблема. Кроме того, мама высказалась в том смысле, что, если бы он не маялся дурыю, воображая себя великим фотографом, а действительно зарабатывал деньги, всем было бы легче... Тут Настя поняла, что мама разговаривает уже не с ней, а со своими обидами и воспоминаниями, и сочла за

лучшее тему закрыть. Алиментов папа никаких не платил, на что мама опять же сказала: «Слава богу, ничем не обязана».

Правда, последние два с лишним года у Насти был еще Марк. Он вроде как считался маминым мужем, вот только они все никак не могли собраться дойти до ЗАГСа. Настя Марка отцом не считала, хоть и признавала, что он нормальный. Честно сказать, не худший вариант мужика в доме – хозяйственный, не шумный, не противный. Профессия, конечно, подкачала – стоматолог, но в остальном вполне терпимый муж. У Марка родственников оказалось полным-полно, он вечно поминал то братьев, то дядьев, однако Настя близко познакомилась лишь с тетей Раей. Тетя Рая ее любила – Настя знала это точно – и считала своей внучкой, а потому ворчала, пирожки пекла, иногда денежку давала, иногда ругалась за то, что шапку не надела, по головке гладила, трогательно радовалась Настиным успехам в школе.

Честно-то сказать, они хорошие – и Марк, и тетя Рая. Но ведь это не кровные родственники, а значит, их нельзя вписать в генеалогическое древо. Настя вздохнула с облегчением, когда Лизка охладела к изучению и составлению родословных и решила, что она – эмо. Настя опять покосилась на подругу и хихикнула. Марк, когда первый раз услышал о новом увлечении Настиной подружки, глаза вытаращил и начал рассказывать про свою тетю Симу и про то, какой она замечательный невропатолог.

– Да не эму, Марк, не страус, а эмо!

– Не ощущаю разницы, – признался квазипапа, и Насте пришлось долго и нудно – просто как училке на уроке – объяснять, что эмо – это такие молодые люди, очень эмоциональные. В этих эмоциях и в том, чтобы испытывать их во всей полноте, они видят смысл жизни.

Марк покачал головой и высказался в том смысле, что теть Сима такой подход к смыслу жизни вряд ли одобрит, но лично ему, Марку, все равно – лишь бы не пытались спрятать голову в асфальт и нести яйца.

Настя, будучи ребенком практичным, на все Лизкины закидоны смотрела свысока. Но раз жили они в одном доме, учились в одном классе, а Лизка хорошо въезжала в математику – то почему бы и не дружить с ней в разумных пределах? Настя легко получала пятерки по русскому и английскому, которые категорически не давались Лизе, и потому между девочками существовали прочные дружески-торговые отношения.

Вот и теперь Лизка завела:

– Дашь сочинение списать? Полина Сергеевна байду какую-то задала, я даже дочитать до конца не смогла – скучища.

– Совсем лак мозги залил? Как можно списать сочинение? Если все будет одинаковое – получим как раз четыре на двоих.

– Тогда напиши за меня, – не стала упираться Лиза. – А я алгебру с геометрией сделаю и дам тебе списать.

– Ладно. Только пошли сперва к тете Рае, поедим как люди.

– Да ты что? И суп будет?

– А то! С пирожками!

– Вот повезло тебе, Настька! Моя мать, как только мелко-го в садик сдала, так готовить и перестала.

– Лана?

Конечно, она сразу его узнала. Узнала, но еще какой-то бесконечно долгий и томительный момент надеялась, что ошиблась, что это не он. Ладонь, сжимавшая трубку, вспотела, сердце замерло. Мужчина на другом конце провода словно почувствовал ее замешательство. Она услышала, что он улыбается и уже гораздо увереннее говорит:

– Здравствуй, Лана.

Но она уже повесила трубку, выдернула из розетки телефон, опустилась на пол, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Это было недавно, это было давно. Это была ошибка, которую можно совершить только в молодости: блаженной, доверчивой юности. Она влюбилась тогда – безоглядно, бездумно. Ушла из дома, жила в его студии, верила в гениальность своего мастера, была ему женой, моделью, служанкой. Вадим считал себя гениальным фотографом и за бытовуху – съемки свадеб или каких-нибудь фоторепортажей для газеты «Труд» – брался только в самом крайнем случае. Да и то –

деньги тратил в основном на аппаратуру, объективы, покупку редких в те годы профессиональных журналов. Лана училась на юридическом, хваталась за любую подработку: писала для граждан иски в суд, консультировала соседей в обмен на пару килограммов картошки, прогуливала первые пары, потому что они с Вадимом были оформлены дворниками и, если бы будущие знаменитости стали манкировать подметанием двора и мытьем лестниц, лишились бы квартиры – просторного полуподвала, в котором царил невообразимый хаос, то бишь творческий беспорядок.

Лана словно вновь вошла в тот полуподвал и увидела пляшущую пыль в столбах солнечного света, проникающего в комнату на закате. Один угол просторного помещения был отгорожен, там стояли софиты и лежали отражатели. По полу надо было перемещаться осторожно, чтобы не наступить на штатив или не дернуть провод. Самым ценным в доме был огромный неподъемный сундук, доставшийся молодым людям вместе с дворницкой. В сундуке Вадим хранил аппаратуру, фотоаппараты, объективы. Стены полуподвала молодые оштукатурили и покрасили. Потом Лана кое-где повесила драпировки. Кровать была огромной, с резными столбиками и рамой – делал приятель в качестве платы за съемку. За грубо сколоченным, просторным столом собиралась куча народу. Все как один – гениальные и творческие. Они спорили, обсуждали свои и чужие работы, мировые проблемы, устраивали совместные акции.

Лана никогда не жалела о том времени. Что греха таить, она чувствовала себя Маргаритой и свято верила своему Мастеру, даже если он снимал эротические фото, потому что это тоже искусство и только ханжи и невежды могут с этим спорить. Фото получались красивыми, и она таяла, видя, как нежен поворот ее головы, как трогательно смотрятся груди с торчащими сосками. То, что он умел уловить настроение Ланы, подчеркнуть сексуальность полутонами, куском ткани превратить ее в нимфетку или в женщину-вампи, она принимала за любовь.

Чего только не было в той странной призрачной жизни: моменты получения денег за заказ, когда они чувствовали себя богачами, покупали ящик вина и приглашали гостей. Или шли в ресторан. Покупали что-то необыкновенно красивое – например, люстру чешского хрусталя. Вешать ее в подвале было некуда, но они ее разобрали, и хрусталики служили неиссякаемым источником вдохновения: из них делали и занавеси, и костюм для Ланы, и новогодние гирлянды. Остов люстры забрал кто-то из друзей-декораторов, заявив, что именно эта вещь нужна ему для нового концептуального творения. Бывали дни, когда почти не было денег, тогда Лана и Вадим покупали пакет молока и батон хлеба на двоих. А ведь нужно было мести двор, руки болели, есть хотелось невыносимо, а гордость мешала пойти к родителям. Случались поездки для съемок куда-нибудь в область, когда она забиралась на колокольню заброшенного храма по полуразру-

шенным ступеням, а Вадим метался вниз, выкрикивая команды, потом она сбрасывала плащ, и ее молочно-белое тело на фоне темного провала незастекленного окна смотрелось неземным видением. Он был талантлив, это признавали практически все. При желании Вадим мог найти нужный ракурс и получить необычный, цепляющий взгляд снимок практически на пустом месте. Далеко в шкафу у Ланы хранилась коробка с фотографиями тех времен: не поднялась рука выкинуть или сжечь. Она помнила их почти все, не было необходимости доставать и пересматривать. Лана очень любила, когда Вадим снимал природу, как-то он подарил ей на Новый год серию снимков, которые делал целый год. Там были деревья, которые стали для молодой женщины особенными. Лиственница подле университета: под ней они целовались, когда он встречал ее после занятий. Клен во дворе их дома, который по осени ронял сказочно красивые листья. Огромный дуб в скверике у Эрмитажа, где Лана маленькой девочкой гуляла с родителями, а потом именно в этом скверике Вадим сказал, что она его Маргарита. Деревья были сняты с одного и того же ракурса, но в разное время года. Это было волшебно, и Лана могла смотреть на фотографии часами.

А потом она забеременела. Как-то глупо это получилось, неожиданно. Лана и не планировала ничего такого.

Что Вадим против ребенка, она поняла сразу.

– Давай подождем, – говорил он, меряя шагами подвал и

поглядывая на молодую женщину, сидящую на кровати. – Все это не ко времени. Куда ты принесешь ребенка? В этот подвал? Нам нужно встать на ноги... Вот кстати, я получил хороший заказ на натурные съемки, хотел съездить в Карелию: там природа потрясающая, думал поснимать тебя на фоне озер и местных красот.

Лана сидела на кровати, притянув колени к подбородку, одетая в его большой мягкий свитер с закатанными рукавами и связанные бабушкой шерстяные носочки. «Наверное, он прав, – думала она. – Надо состояться, встать на ноги, институт закончить, получить работу, а уж потом...» В чем проблема – не она первая, не она последняя. Сколько ее знакомых девчонок уже сбегало на аборт... да полкурса, наверное...

Женщину охватило оцепенение, голос Вадима звучал где-то далеко, на границе сознания, она словно увидела происходящее со стороны: вот подвал. Такое артистически-богемное место, где стоит необычная кровать, огромный сундук, куча аппаратуры и вообще – можно кино снимать. Вот главный герой: чертовски красивый молодой мужчина, он конечно же гений, его ждет большое будущее, слава, успех, фотосессии для лучших журналов. Сейчас наш главный герой ходит по комнате, отбрасывая причудливые тени на стены, потому что комната освещена только электрическим канделябром... Канделябр не очень старинный, но зато массивный, что позволило одному из друзей-дизайнеров оплести

его проводами и вместо свечей вставить в гнезда электрические лампочки. Потом провода вместе с самим канделябром он покрыл бронзовой краской, и теперь любой неподготовленный человек потрясенно взирал на это сооружение, словно увитое бронзовыми змеями. Канделябр был полтора метра высотой, в нем горело четыре несильные лампочки, а потому по комнате метались большие темные тени, и Лане все время казалось, что Вадим не один. Кто-то темный ходил за ним следом, темный и страшный. А она сама? Себя Лана тоже без проблем увидела со стороны: на кровати, с подтянутыми к подбородку коленями, волосы распущены, глаза испуганные. Потом она увидела подвал и дом, в котором он находился, огромный захламленный двор, где никого нет, потому что время позднее и даже собачники уже улеглись... хотя как это никого? Вот в углу двора, на пересечении труб, спят Мормыш – огромная дворняга, которая сторожит двор, и Черныш – большой кот, тоже местный житель. Мормышу жильцы не боялись, потому что он на их глазах вырос в здорового волкодава из совсем крошечного щенка. Впрочем, в прошлом году въехали в пятый подъезд новые люди и попытались натравить на пса участкового и еще каких-то представителей власти, но соседи не дали. Порезали мужику шины на его дорожке тачке и пригрозили, что будут резать каждую новую резину, если не оставит пса в покое. Мужик приходил к ним в подвал, обещал деньги, если они последят за машиной, но Вадим разводил руками и отказывался, объяс-

няя, что они много времени проводят в разъездах, дворниками лишь подрабатывают, и вообще... Лана тогда не удержалась, вылезла вперед и принялась объяснять мужику, что Мормыш перестанет на него лаять, как только поймет, что он свой и живет здесь. А соседи пса в обиду не дадут, потому что он два года назад спас ребенка: девочка шла из школы зимой, и на нее с крыши свалилась сосулька. Ударило-то не сильно, но девочка потеряла сознание и упала в сугроб. Вернее, между сугробом и стеной дома. Мороз был сильный, она замерзла бы, если бы пес не нашел ее и не поднял лай и вой. Он буквально разрывался, пока не выскочили соседи и не пошли смотреть, что же там такое у стены заводит пса. Врачи сказали, что, если бы не он, девочка замерзла бы насмерть, а так – легкое сотрясение мозга и сопли.

Мужик слушал все это молча, Лана чувствовала на себе его липкий взгляд. Был он неприятен, но вроде все понял, от Мормыша отвязался, а Вадим потом чуть ли не подружился с ним. По крайней мере, Лана видела, как они вместе куда-то ездят и после этих встреч у мужа появляются деньги.

Да, как же она забыла, ведь герои нашего фильма, живущие в подвале, муж и жена. Как-то это спонтанно получилось. Вадим сделал ей предложение очень торжественно и, к ее удивлению, долго рассказывал, что она не просто выходит замуж за нищего (но перспективного) фотографа, а вступает в семью, принадлежащую к древнему дворянскому роду. Это была его слабость: он очень гордился своим аристократиче-

ским происхождением и с непринужденным изяществом носил фамильный перстень с гербом. У него даже имелись какие-то бумаги с ятями и гербами, хотя хранил он их не дома, но, когда пришел знакомиться с родителями и бабушкой Ланы, рассказывал о своей родословной подробно и с удовольствием. И был очень недоволен и даже зол, когда понял, что на будущих родственников это не произвело никакого впечатления.

Свадьбу играли в два приема. Сперва позвали только родственников и скромно отметили событие у Ланы дома. Со стороны Вадима был только его отец, человек явно пьющий, но со следами былой красоты и прекрасными манерами. По профессии он оказался инженером, трудился в каком-то проектном институте.

А уж потом они в подвале гуляли с друзьями – там было весело и пьяно, и кончилось все конкурсом на лучшее подвенечное платье. Лана так и не поняла, кто это придумал, но почему-то все знакомые дизайнеры и кое-кто из художников принесли свадебные платья и устроили конкурс. Ей пришлось все мерить, впрочем, это было даже забавно, хоть имелись и весьма экзотические экземпляры: одно платье было сплетено из проволочек, другое – сшито из газет, третье – из узких полосок черного кружева, оставлявших довольно большие участки тела обнаженными. Вадим снимал как сумасшедший.

Да, все это было и вот подошло к какому-то рубежу. Те-

перь Лана сидела на кровати и видела, что подвал и дом, где их двое, — это часть двора, а двор — часть улицы в большом городе, который окружен лесами, и городами, и реками, и деревеньками, и лугами... и так много всего вокруг. Но их-то двое. Она подняла голову, поймала взгляд Вадима и в тот же миг поняла, что она одна. Его глаза были холодны. Впрочем, нет, он смотрел на нее, и она видела, что муж прикидывается, насколько впечатляюще она будет смотреться на фото — вот такая, с огромными глазами, в носочках, трогательно беззащитная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.